

ГЛАВА I

ИМПЕРИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

8.1. Восточнославянская метрополия

Российская имперская экспансия имела своим следствием объединение и включение в единый общемировой контекст бескрайнего пространства Северной Азии, прежде слабо заселенного, а то и вовсе пустынного, оторванного от мировых цивилизационных центров. В том, что империя управлялась из Москвы или Петербурга, а не, скажем, из Константинополя, Киева или Кракова, был немалый элемент случайности, но само возникновение здесь единого политического целого и именно в форме империи было вполне закономерным.

В конце XIX – начале XX веков укрупненная территориальная структура империи представлялась следующим образом (табл. 8.1).

Таблица 8.1. Население и территория Российской империи в конце XIX века

	<i>Территория, тыс. кв. верст</i>	<i>Население, млн. человек</i>	<i>Плотность населения, чел. на 1 кв. версту</i>	<i>Доля городского населения, %</i>
Российская империя	19056	128924	6,8	13,0
в том числе:				
Европейская Россия	4243	94215	22,2	12,8
Польша	112	9456	84,8	21,7
Финляндия	292	2555	8,8	11,0
Кавказский край	411	9249	22,5	10,9
Сибирь	10923	5727	0,5	8,3
Среднеазиатские области	308	7722	2,5	12,1

Источник: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII. СПб., 1899, статья «Россия», с. 76.

Не в пример другим колониальным империям, Российская империя располагалась на сплошной, непрерывной территории, так что здесь не существовало очевидного с первого взгляда разделения на метрополию и колонии. Но, по сути, разные части империи находились, конечно, в неравном положении, одни имели явные признаки метрополии, тогда как другие несомненно обладали существенными чертами колонии.

С наибольшими основаниями в качестве метрополии можно было бы рассматривать выделявшиеся во всех дореволюционных описаниях 50 губерний Европейской России. Однако сама эта часть Империи была весьма неоднородной — как с точки зрения истории ее формирования, так и с точки зрения этнического и конфессионального состава населения и его отношения к имперскому центру. В то же время и за пределами Европейской России находились значительные пространства, которые ощущались более «коренными», нежели, скажем, Лифляндская, Курляндская, Эстляндская или Бессарабская губернии, входившие в ее состав.

По-видимому, если метрополия и существовала в Российской, а затем и в советской империи, то ее невозможно выделить по чисто территориальному признаку. Скорее, это было некое территориально-цивилизационное пространство, некоторая не имевшая четких географических границ область преимущественного расселения и жизнедеятельности основного имперского этноса (или основных этносов) — восточных славян. Само понятие метрополии при таком подходе становится довольно условным и расплывчатым, но, возможно, это соответствует известной неопределенности, недосказанности самой реальности. Многие части Российской империи занимали промежуточное положение, были в чем-то колониями, а в чем-то — частями метрополии, находились ближе то к одному, то к другому.

Как следует, например, определить истинный статус Сибири — «последнего продукта колониационного усилия России — и ее первой колонии»? С одной стороны, уже в XIX веке колонизация Сибири осознавалась русскими сибиряками как историческая миссия Европейской России, которая незримо присутствовала за ее спиной, они чувствовали себя представителями России. «С приобретением Сибири началось наступление на Азию европейского и русского мира»². Новоявленное русское население Сибири выступало в качестве коллективного колонизатора по отношению к ранее укоренившимся здесь народам. Частично Сибирь выполняла функции метрополии — экономические, культурные, а иногда даже и административные — и по отношению к Казахстану и Средней Азии (Степной край с центром в Омске).

С другой же стороны, по мере того как «европейский и русский мир» укоренялся в Сибири и здесь складывались внутренние хозяйственные связи, свои экономические и культурные центры, возникали и местные центробежные (по отношению к метрополии) силы, которые не прочь были разыграть тему Сибири как колонии. Говоря о том, что «России суждена по положению колонизаторская роль и что она сама похожа, скорее, на огромную колонию между западом и востоком», Ядринцев заключал: «тем более

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993, с. 488.

² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892, с. 2–3.

характеристика колонии приложима к Сибири»³. Сибирские «областники» полагали, что интересы региона ущемляются центром, и подчеркивали противоположность интересов Сибири и метрополии. «Сибирское население вступает в конфликт не только с правительством, но и с своекорыстной и могущественной московской буржуазией, тут открывается отсутствие солидарности интересов сибирского крестьянина с интересами московского рабочего»⁴. Любопытен и интерес «областников» к судьбе бывших заокеанских колоний европейского заселения, упоминание о том, что обычно «история замлельских колоний кончается тем, что они отделяются от своих метрополий»⁵.

Еще более характерен пример Украины. Мы видели, что она была одной из главных колонизационных баз империи и, казалось бы, никак не могла рассматриваться как колония. Однако на протяжении всего XX в. тема колониальной эксплуатации Украины Россией постоянно возникает по мере развития украинского национализма и сепаратизма, а нередко входит и в более общий контекст внутриимперской политической борьбы. В октябре 1914 г. Ленин выступил в Цюрихе перед социал-демократической аудиторией с речью «Война и социал-демократия», в которой, в частности, противопоставлял положение украинцев в России и Австро-Венгрии и утверждал, что Украина «стала для России тем, чем для Англии была Ирландия: она нещадно эксплуатировалась, ничего не получая взамен». Ленин заявил, что интересы международного и русского пролетариата требуют завоевания Украиной государственной независимости⁶.

В то же время в украинофильской среде колониальное самоуничтожение порой соседствовало с имперским самовозвеличением. Пока колониальные империи как типичное явление международной жизни еще не были перечеркнуты историей, распад восточнославянского ядра империи и отделение Украины от России, которого добивались украинские сепаратисты, виделся им не как отделение колонии от метрополии, а как некое имперское «размножение делением», как раскол метрополии с последующим переделом владений Российской империи и превращением Украины в европейскую колониальную державу.

«Теперь азиатские кочевники присмирели, некоторые подались в турецкую землю, а в степи, где они когда-то гарцевали, стал издавна идти украинский хлебороб и селиться на них... Украинская колонизация теперь неудержимым потоком идет в Крым и на земли Северного Кавказа, и недолго, видимо, ждать, когда все их совсем зальет», — писал известный украинский географ С. Рудницкий⁷. Позднее, уже после революции⁸, он

³ Там же, с. 698.

⁴ Потанин Г. Областнические тенденции в Сибири. Томск, 1907, с. 55.

⁵ Там же, с. 12.

⁶ Serbin R. Lénine et la question Ukrainienne en 1914: le discours «séparatiste» de Zurich. Pluriel, 1981, 25, p. 83–84. Изложение речи Ленина, не вошедшей в советские издания его сочинений, было опубликовано рядом газет, в частности, социал-демократическими Arbeiter Zeitung (Австрия) и Vorwärts (Германия), а также выходившей в Вене на немецком языке украинской газетой Ukrainische Nachrichten. Позднее (в 1918 г.) Роза Люксембург говорила об украинском национализме как о «нелепой шутке нескольких университетских профессоров и студентов», которую «Ленин и К° своей доктринерской агитацией за «самоопределение до...» и т. п. искусственно превратили в политический фактор». (Цит. по: Карп Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923. Т. 1, 2. М., 1990, с. 371).

предсказывал «светлое будущее грядущей украинской колониальной экспансии» в самых разных направлениях. «Московская колонизация по климатическим и другим причинам уже в нижнем Поволжье не удастся, в Предкавказье — тем более, а других колониальных конкурентов из-за их малокультурности и малочисленности украинцы могут не опасаться. Уже сейчас украинцы составляют в Предкавказье безусловное большинство. Колонизированное Предкавказье дает украинскому народному корню основу для колониальной экспансии на Кавказе и в Закавказье»⁹. «Географическое положение Украины на пороге Центральной Азии также чрезвычайно способствует украинской колонизации в Туркестане и Средней Азии в целом, а также колонизации Сибири. Громадной, на много тысяч километров полосой тянутся земли украинских колоний вдоль южной границы Сибири, до самого Амура и за Амур, до берегов Японского моря... При благоприятных условиях украинский народ может найти достаточно сил, чтобы этот пока еще не сплошной ряд колониальных просторов от Каспия до Тихого океана превратить в сплошную полосу украинской территории на тысячи километров в длину и на сотни — в ширину»¹⁰. Украинский географ поглядывал и за пределы Российской империи, в частности, на Переднюю Азию. «Распространение украинской колониальной экспансии на этот архиважный географический узел, — писал он, — может принести неисчислимы полезные последствия»¹¹.

Тем не менее вопрос о колониальной эксплуатации Украины Россией не сходит со страниц многих изданий, в том числе и достаточно серьезных. О. Субтельный посвящает ему особый раздел своей книги. В нем упоминается как позиция советских официальных исследователей (И. Гуржий и др.), считавших, что в экономическом контексте второй половины XIX века Украина находилась даже в лучших условиях, нежели Россия, так и более ранних, «досталинских» и антиимперских советских историков и экономистов как в России, так и на Украине, которые склонялись к видению дореволюционной Украины как колонии.

Если судить о статусе Украины, основываясь на критериях модернизации, последняя точка зрения едва ли оправдана — об этом говорит материал, приводимый самим Субтельным. Он указывает, в частности, что в течение какого-то времени на Украине развивались преимущественно сырьевые отрасли, так что в 1913 г. на долю Украины приходилось 70% добычи сырья в империи и только 15% мощностей обрабатывающей промышленности¹². Но ведь это были ранние этапы индустриализации, когда в России вообще почти не было современной обрабатывающей промышленности, в частности, машиностроения, их только предстояло создать, и Украина готовила предпосылки для этого — может быть больше, чем любой другой район империи. Производство сырья, прежде всего угля и железной руды, росло здесь фантастическими темпами.

⁷ Рудницький С. Коротка географія України. Київ-Львів, 1910, с. 8–9.

⁸ После революции С. Рудницький был директором Института географии Украинской Академии наук. В 1933 г. он был арестован, в 1937 г. — расстрелян.

⁹ Рудницький С. Основи землезнання України. [Друга книга. Антропогеографія України]. Прага, 1923, с. 335–336.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993, с. 334.

Между 1870 и 1900 г. Донецкий угольный и Криворожский железорудный бассейны были «наиболее быстро растущими промышленными районами империи, а может быть, и мира»¹³. Если за эти же 30 лет «архаичным уральским заводам удалось увеличить производство железной руды только вчетверо, то на Украине оно увеличилось в 158 раз»¹⁴. Накануне Первой мировой войны Украина была крупнейшим производителем угля и черных металлов в Империи, а впоследствии стала первой «угольно-металлургической базой» советской индустриализации, что, в свою очередь, послужило главной основой превращения востока Украины в один из основных центров машиностроения СССР.

Уже предреволюционная Украина принадлежала к числу наиболее урбанизированных частей Европейской России. В 1913 г. 19,3% ее населения были городскими жителями (в Европейской России в целом — 15,3%)¹⁵. И в конце XIX века, и накануне революции три из шести крупнейших городов Европейской России находились на Украине¹⁶. Показатели смертности и продолжительности жизни на Украине были существенно более благоприятными, нежели во всей Европейской России (общий коэффициент смертности в 1900 г. на Украине — 26,4 на тысячу, в России — 31,1, в 1913 г. — соответственно 23,4 и 27,4. Ожидаемая продолжительность жизни новорожденного в 1896–1897 гг. на Украине для мужчин — 35,9, для женщин — 36,9 года; в Европейской России соответственно 31,3 и 33,4)¹⁷.

Все эти характеристики плохо сочетаются с трактовкой дореволюционной Украины как русской колонии. Скорее, напротив, как раз Украина может служить образцом того модернизационного подъема имперской метрополии, к которому привели два столетия догоняющего развития, подстегиваемого, не в последнюю очередь, имперскими амбициями Петербурга. Конечно, и пространство метрополии модернизировалось неравномерно, и здесь области быстрого промышленно-городского развития чередовались с застойными аграрными областями, но Украина на общем фоне была, скорее, в привилегированном положении.

8.2. Цивилизаторская миссия метрополии

Неопределенность границ между метрополией и колониями имела двоякий смысл. Подобно тому, как Сибирь не была на сто процентов метрополией, так южные — кавказские или среднеазиатские — окраины империи не были на сто процентов колониями. Единство территории Российской империи создавало определенные предпосылки для интеграции вновь присоединенных земель в целостное государство и даже побуждало имперские власти заботиться о такой интеграции. Можно

¹³ Там же, с. 331.

¹⁴ Там же, с. 333–334.

¹⁵ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956, с. 98; Население СССР 1987. Статистический сборник. М., 1988, с. 9.

¹⁶ Рашин А. Г. Цит. соч., с. 107, 110.

¹⁷ Птуха М. В. Смертность в России и на Украине. // Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960, с. 351, 402; Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916, с. 120, 125,

сказать, что в каком-то смысле они были заинтересованы в изживании колониального статуса присоединенных окраин. Однако такая заинтересованность всегда сталкивалась с другими выгодами и заинтересованностями метрополии, так что в итоге колониальное начало здесь резко преобладало.

В XIX веке, в пору главных колониальных захватов России, многие россияне были убеждены в ее высокой цивилизаторской миссии по отношению к присоединяемым землям и народам. Достоевскому эта миссия казалась важной и для самой России: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явемся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение... Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила»¹⁸.

Говоря о продвижении России от Урала до Тихого океана, Венюков писал, что оно «создало историческую жизнь северной Азии»¹⁹. По словам Ядринцева, Россией «в прежних пустынях, где бродили звероловы и кочевые племена, положены начала культуры, возникла европейская гражданственность... Эта гражданственность и культура на севере Азии становится решающим фактом в истории народов и дает сразу перевес европейскому миру над азиатским»²⁰. В проникновении в Среднюю Азию Венюков видел «последовательное водворение общечеловеческих бытовых потребностей и европейских способов к их удовлетворению в странах, где тысячелетия прошли без перемен... Народы Средней Азии отныне могут считать себя в периоде такого же сближения с передовыми нациями, как в начале нашего века кавказские племена и с конца прошлого индусы»²¹. Даже когда о цивилизаторской роли России писал завоеватель Туркестана и его первый генерал-губернатор К. П. фон Кауфман, это звучало не только как оправдание военного захвата. В его словах слышится искренняя и обычная для России того времени убежденность в необходимости прививать степным кочевникам начала «земледельческого быта», вера в то, что «умиротворение степи» и деятельность русской администрации «освободили и скотоводство, и земледелие у кочевников от насилий, до того делавших невозможностью правильное и спокойное развитие народной промышленности», и ввели «жизнь массы степного населения в широкое русло мирной гражданственности»²².

Постоянное подчеркивание цивилизаторской миссии колониализма, «бремени белого человека» всегда занимало важное место в системе доводов, оправдывающих европейскую колониальную экспансию, так что любые заявления на этот счет российских или советских политиков и идеологов надо воспринимать с большой осто-

¹⁸ Достоевский Ф. М. Геок-Тепе. Что такое Азия для нас? (Дневник писателя, 1881). // Полн. собр. соч., 1984, т. 27, с. 36–38.

¹⁹ Венюков М. И. Поступательное движение России в северной и восточной Азии. // Венюков М. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877, с. 97

²⁰ Ядринцев Н. М. Цит. соч., с. 2–3.

²¹ Венюков М. И. Поступательное движение России в Средней Азии. // Венюков М. Россия и Восток, с. 135–136.

²² Цит. по: Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903, с. 134.

рожностью. Распространение начал культуры и европейской гражданственности среди покоряемых народов было все же не главным движущим мотивом имперских завоеваний. Тем не менее цивилизаторская миссия Российской империи по отношению почти ко всем областям имперской периферии и даже по отношению ко многим частям метрополии не была и полным вымыслом. Она действительно осуществлялась, опираясь при этом на двуслойное основание послепетровской русской культуры — и не столько в силу исконной «русскости», сколько благодаря ее сближению с культурой европейской.

Размышляя о влиянии русской культуры на западно-украинскую, Драгоманов замечал: «Московский ладан оказался вовсе не к добру в истории галицкого возрождения; петербургское же окно в Европу оказало безмерные услуги даже в Львове, поскольку оно оказалось действительно проводником общечеловеческого света»²³. Если российское европейство было столь важно даже для украинской элиты, уже в немалой степени европеизированной, то тем более притягательным оно должно было выглядеть для застойных поволжских, кавказских или среднеазиатских обществ, у которых тоже стала появляться новая элита, возникли религиозно-национальные движения. Как писал один из ведущих идеологов российского исламского просветительства Исмаил Бей Гаспралы (Гаспринский), «Провидение... делает Россию естественной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоєм»²⁴. Татары, говорил Гаспринский, хотели бы получать от России «не старую азиатскую, а новую европейскую монету», «т.е. распространение среди нас европейской науки и знаний вообще, а не простое господство и собирание податей»²⁵.

Беда, однако, заключалась в том, что, по большому счету, Россия не в состоянии была ответить на эти ожидания. Как уже упоминалось, имперские власти были в известной степени заинтересованы в развитии всех частей империи, в преодолении отсталости и колониального статуса присоединенных окраин. Но эта заинтересованность вступала в противоречие с другими интересами, бывшими или считавшимися куда более важными, с откровенно великодержавными целями: новыми колониальными захватами, присоединением Константинополя и проливов и т. п. У имперских идеологов, озабоченных этими экспансионистскими интересами, «цивилизаторская миссия» вызывала непреодолимое раздражение. «Тысячу лет строиться, обливаясь потом и кровью, и составить государство в восемьдесят миллионов... для того, чтобы потчевать европейской цивилизацией пять или шесть миллионов кокандских, бухарских и хивинских оборванцев, да пожалуй еще два-три миллиона монгольских кочевников... Нечего сказать, завидная роль, стоило из-за этого жить, царство строить, государственную тяготу нести, выносить крепостную долю, петровскую реформу, бироновщину и прочие эксперименты»²⁶.

²³ Драгоманов М. П. Литературно-общественные партии в Галиции. // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Т. 1. Центр и окраины. М., 1908, с. 456.

²⁴ Гаспринский Исмаил бей. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. // Гаспринский Исмаил бей. Россия и Восток, Казань, 1993, с. 21.

²⁵ Там же, с. 26.

²⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1871, с. 62–63.

В итоге цивилизаторская миссия в отношении колониальных окраин всегда осуществлялась лишь в той мере, в какой метрополия располагала для этого силами и средствами, в основном уходившими на другие цели — военные или мирные. Силы и средства царской России, а впоследствии и СССР, были весьма ограниченными. Метрополия сама остро нуждалась в модернизации, которая, неизменно переплетаясь с милитаризацией, поглощала все экономические ресурсы империи. Это очень сильно ограничивало возможности модернизации имперских окраин, тем более, что сами они не проявляли большой модернизационной активности: отношение к экономическим и социальным нововведениям в метрополии и колониях было неодинаковым.

Семь советских десятилетий в чем-то изменили очень многое, но колониальный тип развития «национальных окраин» не был преодолен. При этом обвинение метрополии в чрезмерной эксплуатации колоний в своих интересах было бы, пожалуй, несправедливым. Главной «колонией», за счет которой удалось решить самые насущные проблемы экономической модернизации СССР, стала деревня, причем, в первую очередь, восточнославянская. Здесь снова приходится признать проницательность анализа Преображенского, который утверждал, что для СССР колониальный грабеж как источник первоначального накопления «с самого начала и навсегда закрыт», тогда как «обложение несоциалистических форм (читай, крестьянства. — А. В.) не только неизбежно должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз»²⁷. Когда же страна немного разбогатела, предпринимались немалые усилия, направленные на преодоление колониального статуса южных окраин. Но они имели ограниченный успех, в целом объективное разделение СССР на европейско-восточнославянскую метрополию и азиатские колонии, унаследованное от прошлого, сохранилось.

8.3. Восточнославянская метрополия и советская модель модернизации

В XIX веке главные очаги и центры модернизации были сосредоточены именно в восточнославянской или, если угодно, в европейской метрополии, в России и на Украине. Конечно, и пространство метрополии модернизировалось неравномерно, и здесь области быстрого промышленно-городского развития чередовались с застойными аграрными областями, но влияние новых экономических отношений, городской культуры, власть денег постепенно проникали повсюду, порождали новые интересы и стремления людей, разжигали их нетерпение. Здесь, как и везде, существовало ре-

²⁷ Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления. // Преображенский Е. А., Бухарин Н. И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990, с. 65. Не преминул подхватить эту идею разгромленной «левой оппозиции» и Сталин. «Колониальные грабежи исключаются всей нашей политикой. А займов нам не дают. Оставался в нашем распоряжении один единственный путь, указанный Лениным, а именно: поднятие своей промышленности, переоборудование своей промышленности на основе внутренних накоплений». (Сталин И. Троцкистская оппозиция прежде и теперь. Речь на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г. // Сталин И. В. Соч., т. 10, с. 198).

гиональное неравенство, и столичная элита стремилась использовать свое центральное положение в собственных интересах. В этом смысле претензии поднимавшихся региональных элит — и сибирской, и уральской, и украинской, и любой другой — к Петербургу и Москве были вполне оправданными. Но все эти элиты, и столичные, и региональные, действовали заодно в том смысле, что они подстегивали модернизацию, вовлекали в нее все новые и новые части империи, в первую очередь восточнославянские, хотя, конечно, отдельные центры модернизации были и в «инородческих» районах.

Противоречия догоняющего развития затрудняли понимание истинного смысла модернизации, вызывали противодействие, которое приобретало идеологическую окраску, зависевшую от условий места и времени, но всегда отражавшую неизбежный в подобных случаях конфликт двух культур. Подстилающий слой традиционной сельской культуры видели хорошо. Новый же, быстро нараставший слой промышленно-городской культуры, связанные с ним ценности часто не осознавались. Антимодернистские настроения (которые прочитывались как антизападные) были очень сильны в России, хотя могли, в зависимости от обстоятельств, приобретать и антирусское звучание. Такое противопоставление великорусскому — и притом очень долго — слышится даже у украинских авторов, подчеркивающих, что «богатая украинская народная культура в отличие от большинства интернациональных городских культур» создана в деревне, тогда как города, «с национальной точки зрения», были чужими на украинских землях. «И хотя мы начинаем все лучше понимать уже роль города для нации, хотя хотим превратиться в полноценное общество со всеми слоями, не быть только или почти только хлеборобской нацией, — а все же база нашей нации останется в деревне»²⁸.

На деле же ко времени революции основы традиционной земледельческой жизни русского, украинского, белорусского народов были основательно подорваны десятилетиями пореформенного капиталистического развития. Россия все больше становилась промышленно-торговой и городской, умножалось и число сторонников перемен. Перемены ускорялись, но все казались очень медленными, нарастали нетерпение, готовность к жертвам во имя еще большего ускорения, рывка, скачка. Так складывалась почва, на которой впоследствии укоренилась советская, а по существу, советско-славянская мобилизационная модель модернизации-индустриализации.

Эта модель требовала огромных жертв, страшного напряжения сил, но, в известном смысле, она была задана всем предшествующим развитием. Напряжение и жертвы во имя государственного величия были привычны, не осознавались как нечто инородное, оправдывались давней верой в особое предназначение России. Великая, Малая и Белая Руси, особенно в тех их границах, которые существовали до 1939 г., приняли эту модель (что, конечно, не означает ее бесконфликтности, отсутствия экономического и политического насилия и сопротивления ему). Для десятков миллионов людей, вчерашних крестьян, созданная в советское время промышленность стала главными воротами, открывавшими доступ к новой для них жизни. В «социалистических преобразованиях» послереволюционных десятилетий — в быстром росте городов, новых удобств городской жизни, стремительном распространении образования, внезапно открывшихся бесчисленных каналах вертикальной мобильности, снижении смертности, росте военной

²⁸ Кубійович В. Географія українських та сумежних земель. Краків-Львів, 1943, с. 364.

мощи — во всем этом здесь видели — и не без оснований — плоды промышленного скачка, подтверждение правильности избранного пути.

Иначе обстояло дело с имперскими окраинами, в особенности восточными и южными, изначально населенными в основном неславянами — Поволжьем, Уралом, Сибирью, Кавказом, Закавказьем, Средней Азией, Казахстаном и т. д. В XVIII, а тем более в XIX столетиях, восточнославянская метрополия была обращена к ним уже своим новым, европеизированным лицом. Она, конечно, не догнала Западную Европу, сохраняла немалую экономическую и культурную зависимость от нее. Тем не менее по отношению почти ко всем областям имперской периферии русский колониализм был передатчиком, в чем-то и оригинальным источником европейских экономических, политических и социальных нововведений, западных ценностей, по словам Г. Федотова, нес им «универсальное просвещение, сияющее с Запада, хотя и в лучах русского слова»²⁹, постепенно готовил эти области к модернизации и развитию. Это, вероятно, не относится к самым западным частям Империи. Принадлежа к Восточной Европе и тоже отставая от Западной, они тем не менее не нуждались в российском посредничестве. Южные же или восточные районы империи, если бы они дожили до XX века, оставаясь в сфере имперского влияния Турции, Персии или Китая, вряд ли продвинулись бы в своем развитии дальше, чем это удалось им сделать, идя вместе с Россией.

В то же время и слишком успешным продвижением по пути экономического и социального обновления колониальные окраины империи похвастаться не могли. Догоняющее развитие, которое несколько веков держало в напряжении восточнославянскую Россию, не играло большой роли в жизни неславянских народов ее восточных и южных колоний. Новые ценности промышленно-городской жизни здесь вообще долго не осознавались как ценности. «Все, что здесь доступно оку, спит, покой ценя...» — эти лермонтовские слова не совсем устарели и спустя сто лет после того, как были написаны. Даже элитарные слои населения, в основном традиционные, а тем более крестьянство, не ощущали острой потребности в модернизации. Соответственно и индустриализация не воспринималась ими как особое благо. Здесь, как и везде, она создавала возможности крупномасштабного исхода в города, массовой вертикальной мобильности, глубоких перемен в образе жизни, но даже и в первой половине XX века все это еще не назрело ни в Татарии или Башкирии, ни на Кавказе, ни тем более в Средней Азии, воспринималось как что-то ненужное, чужеродное. Ценности модернизации в колониальной части империи намного чаще, чем в метрополии, сталкивались с традиционными ценностями, не получали широкой общественной поддержки, встречали пассивное неприятие, а нередко вызывали и активное противодействие. Нельзя сказать, что кавказские или среднеазиатские общества начисто отвергали или отвергают перемены, не понимают значительности достижений «западной» цивилизации — пусть и в их советской упаковке. Тем не менее здесь все еще очень широки слои, не осознающие необходимости всестороннего радикального обновления и надеющиеся на решение острых сегодняшних проблем при сохранении традиционного жизненного уклада. Поэтому долгое время промышленно-

²⁹ Федотов Г. Судьба империй. // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993, с. 337.

городское развитие во всех этих районах могло опираться почти исключительно на восточнославянское население, уже основательно «раскрестьянившееся», кто больше, кто меньше прошедшее городскую школу.

Своеобразие положения в Прибалтике, а отчасти и в Западной Украине было иным. В послевоенный период они тоже вынужденно следовали советской модели экономического развития. Конечно, и они нуждались в индустриализации и модернизации, без этого были обречены на роль аграрной окраины Европы, отставание от Запада было велико и здесь. Но той настоятельности, которая ощущалась в славянских республиках и предопределяла их выбор модели модернизации, здесь не было. Военная мощь великой державы не могла иметь особой цены в маленьких Литве, Латвии или Эстонии, равно как и в Галиции. Что же касается цивилизационных сдвигов, то многие из них совершились здесь и без индустриализации, вследствие давней приобщенности к европейскому развитию. Прибалтика опережала другие европейские районы империи и по уровню урбанизации, и по распространенности городского образа жизни, по развитости средних слоев, уровню образования, бытовой культуре. Она была намного более буржуазна. Никакой готовности к жертвам во имя промышленного скачка здесь не было, престиж промышленного или строительного рабочего, даже инженера ни при каких условиях не мог стать таким, как на Урале или в Донбассе. Поэтому индустриализация «по-советски» — с ее мобилизационным напряжением, упором на тяжелую промышленность, военное производство, с очень низкой оплатой труда и пр. — отторгалась местным населением, неотвратимо требовала населения пришлого, снова-таки восточнославянского.

Таким образом, в истории, в экономическом и социальном бытии как всей Российской (советской) империи, так и ее более «передовых» и более «отсталых», «колониальных» частей были заложены и стимулы, и границы имперской цивилизаторской миссии. Советская модель ускоренной консервативной модернизации, отвечала прежде всего историческим условиям, в которых оказались в первой половине XX века восточнославянские народы СССР и их имперская государственность. И для них эта модель была далеко не идеальной, внутренне противоречивой, способной приносить успех дорогой ценой и лишь очень непродолжительное время. Но ее эффективность особенно резко падала при перенесении советско-славянских образцов на социокультурную почву Прибалтики, Кавказа или Средней Азии. Исторические и культурные особенности модели, границы ее применимости обычно не осознавались, догматическая идеология истолковывала все ее черты как абсолютные и универсальные. Экономические, политические, культурные рецепты советской консервативной модернизации силой навязывались всем районам СССР, а нередко и другим странам, и такое навязывание стало одной из главных форм колониализма советского времени. Это встречало сопротивление, часто неосознанное, пассивное, проявляющееся в разных формах неучастия, но иногда принимавшее формы и более или менее открытого активного протеста. Протест подавлялся силой, с пассивным же неприятием коренным населением многих составных частей советской модернизации бороться было труднее. Дело нередко кончалось тем, что в Казахстан, Узбекистан или

Эстонию приезжали новые партии русских, украинцев и белорусов, на чьи плечи и ложилась, по крайней мере на первых порах, главная тяжесть освоения целинных земель, месторождений полезных ископаемых, строительство и эксплуатация железных дорог, плотин, шахт, заводов, атомных и прочих электростанций.

Все это, впрочем, не означает, что советская модель модернизации оказалась вовсе непригодной для неславянских народов СССР. Как было показано в первой части книги, она вообще была изначально противоречивой, в силу чего модернизация не была завершена нигде в СССР. Но совсем отказать этой модели в эффективности, пусть недолговременной и частичной, конечно, нельзя. Даже там, где она внедрялась принудительно и была намного менее действенной, чем в России или на Украине, десятилетия модернизации не были безрезультатными. Другое дело, что в разных районах СССР успехи и неудачи модернизации оказались разными — в зависимости от того, как единая модель «социалистических преобразований» сочеталась или не сочеталась со всей совокупностью местных условий.

8.4. Незавершенная модернизация: от Москвы до самых до окраин

Старая Российская империя отличалась большой неоднородностью частей. Но еще сто лет назад даже весьма значительные различия — экономические, культурные, языковые, религиозные и т. д. — внутри российского имперского мира всегда или почти всегда были различиями в пределах одного типа цивилизации. Все или почти все образовывавшие этот мир общества были аграрными, сельскими, холистскими, «вертикальными», основополагающие принципы их существования были весьма сходными. Даже и после 1917 г., в период первого крушения империи, русский центр был просто более крупной и влиятельной частью сравнительно однородного целого.

Когда же модернизация на территории бывшей Российской империи вступила в свою послереволюционную, очень активную стадию, эта относительная однородность нарушилась. Все новые и новые районы стали втягиваться в переход к промышленно-городскому обществу. А так как и исходные уровни развития, и скорости движения у них были разными, к межрегиональным или межэтническим различиям, существовавшим всегда, добавились новые, связанные с разной степенью продвинутости по пути модернизации. К середине 80-х годов результаты всех главных модернизационных «революций» — экономической, городской, демографической, культурной, политической — в республиках и регионах СССР оказались очень неодинаковыми.

Экономическая революция

Накануне Первой мировой войны в 50 губерниях Европейской России лишь примерно 20% национального дохода создавалось в промышленности (без кустарной и ремесленного производства) и строительстве³⁰, в целом по империи — без Польши и Финляндии — и того меньше. В этих отраслях было занято всего 9% всех работающих

³⁰ Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М., 1969, с. 62–63.

против 75% занятых в сельском хозяйстве³¹. Понятно, что как бы велики ни были региональные различия в промышленном развитии, это были количественные различия внутри одного — аграрного — типа экономики. Развернувшаяся в 30-е и последующие годы индустриализация придала им иной смысл — они стали приобретать характер качественных различий (в отраслевой структуре экономики вообще и промышленности в частности, в занятости населения, в отношении к промышленному труду и пр.) между промышленно развитыми и аграрными областями. Это было следствием естественной неравномерности промышленного развития регионов, усиленной разной степенью их готовности принять ускоренную индустриализацию советского типа.

Положение, сложившееся к 1985 г., иллюстрируют таблицы 8.2 и 8.3.

Таблица 8.2. Отраслевая структура экономики СССР и некоторых республик в 1985 г. (доля отраслей в %)

<i>Отрасли народного хозяйства</i>	<i>СССР</i>	<i>Белоруссия</i>	<i>Латвия</i>	<i>Узбекистан</i>
В валовом национальном продукте				
Промышленность	61,6	60,3	58,8	52,4
Сельское хозяйство	15,8	21,0	19,7	21,7
Прочие отрасли	23,1	18,7	21,5	25,9
В национальном доходе				
Промышленность	45,6	44,1	41,5	33,2
Сельское хозяйство	19,4	25,5	23,4	32,5
Прочие отрасли	35,0	30,8	35,1	34,3
В числе занятых в материальном производстве				
Промышленность	52,0*	40,3	44,8	20,9
Сельское хозяйство	27,4	30,3	21,0	52,0
Прочие отрасли	20,6	29,4	34,2	27,1
В основных фондах				
Промышленность	48,8	46,8	37,9	35,4
Сельское хозяйство	20,3	28,7	26,7	34,1
Прочие отрасли	30,9	24,5	35,4	30,7
В производственных капиталовложениях **				
Промышленность	48,9	46,1	44,4	30,8
Сельское хозяйство	25,4	24,6	24,7	53,7
Прочие отрасли	25,7	29,3	30,9	15,5

* Промышленность и строительство. ** За 1981–1985 гг.

³¹ Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 14.

В таблицах представлены три бывшие республики СССР: славянская Белоруссия, балтийская Латвия и среднеазиатский Узбекистан, олицетворяющие три различные ситуации. Даже наименее индустриализованная среди славянских республик Белоруссия почти по всем показателям развития промышленности: по ее доле в валовом общественном продукте, произведенном национальном доходе, производственных основных фондах, капиталовложениях производственного назначения превосходила намного раньше вступившую на путь индустриализации Латвию, не говоря уже об Узбекистане. Характерны различия и в отраслевой структуре самой промышленности. Хотя Латвия еще до революции была одним из центров российского машиностроения, теперь оно занимала в ее промышленности меньшее место, чем в Белоруссии. В Узбекистане же в структуре промышленности все еще преобладали легкая и пищевая отрасли, роль машиностроения оставалась довольно скромной.

В то же время Белоруссия, уступая Латвии по доле занятых в промышленности, существенно превосходила ее по доле занятых в сельском хозяйстве — следы совсем недавнего аграрного прошлого, признак временного, переходного состояния. Экономика же Узбекистана, несмотря на то, что, по официальному счету, вклад сельского хозяйства в национальный доход был несколько меньшим, чем промышленности, по типу экономики все еще оставалась преимущественно аграрной. На долю сельского хозяйства здесь приходилось больше половины занятых в материальном производстве, в аграрный сектор шло больше половины производственных инвестиций.

Таблица 8.3. Отраслевая структура промышленности СССР и некоторых республик в 1985 г. (доля отраслей в %)

<i>Отрасли промышленности</i>	<i>СССР</i>	<i>Белоруссия</i>	<i>Латвия</i>	<i>Узбекистан</i>
В валовой продукции промышленности				
Машиностроение	27,4	32,3	26,6	15,3
Легкая промышленность	14,6	23,7	20,2	38,9
Пищевая промышленность	15,2	17,1	25,3	16,4
Прочие отрасли	42,8	26,9	27,9	29,4
В численности промышленно-производственного персонала				
Машиностроение	...	46,6	39,9	29,9
Легкая промышленность	...	18,0	18,3	29,4
Пищевая промышленность	...	7,4	12,0	9,0
Прочие отрасли	...	28,0	29,8	31,7

Городская революция

В середине XIX столетия доля городского населения во всех частях империи, за исключением двух столичных губерний, была настолько низкой (не выше 10–12%), что даже если между ними и существовали различия, они не могли иметь серьезных экономических или социокультурных последствий. К концу столетия положение стало меняться. Доля городского населения в прибалтийских губерниях быстро росла, а перед Первой мировой войной превысила уже 33%, поднялась она и в некоторых других регионах — в основном за счет быстрого роста крупных городов — Киева, Одессы, Тифлиса, Харькова и т. д. Но в целом успехи урбанизации к этому времени были весьма умеренными. В Европейской России было немногим более 15% горожан, в Сибири — около 12%³². Сравнительно высокой была доля городского населения на Кавказе — 14,5%, в Средней Азии — около 19%. Но в этом, видимо, сказывались давние восточные традиции торговой, городской жизни, а не влияние современного промышленно-городского развития. Еще в начале 20-х годов, выступая на одном из высоких партийных собраний, представитель Туркестана говорил: «У нас... нет подлинных городов в европейском смысле этого слова... Города являются главным образом посредническими пунктами сбыта товаров, продуктов промышленности центра в окраинную деревню. Вот почему города в просторечии у нас называют базарами»³³. Большого потенциала городского роста в дореволюционной Средней Азии не было, как и повсюду в империи, большинство населения было однородно сельским.

Стремительная урбанизация послереволюционных десятилетий нарушила эту однородность. Доля городского населения росла повсеместно, но в одних случаях она достигала такого уровня, который позволял говорить о далеко зашедшем превращении сельского общества в городское, в других же — только о движении, порой не очень уверенном, в этом направлении. В 1959 г. лишь в трех республиках — Латвии, Эстонии и России — больше половины населения составляли городские жители. В 1989 г. таких республик было уже десять, причем в шести из них доля горожан превысила две трети (Россия, Украина, Литва, Латвия, Эстония, Армения). В то же время во всех республиках Средней Азии, а также в Молдавии доля городского населения не достигала и 50%.

Важны не только эти итоговые показатели, но и недавняя история их формирования. В Латвии и Эстонии, где доля городского населения была сравнительно высокой уже в начале века, она нарастала постепенно, без больших потрясений. За 1959–1989 гг. она увеличилась всего на 15–16 процентных пунктов. В России, которая теперь обогнала обе названные республики, рост составил 22 пункта. Очень быстро урбанизовались Молдавия, Литва и особенно Белоруссия (рост соответственно на 25, 29 и 35 пунктов). Если поставить рядом с ними Азербайджан (рост на 6 пунктов), Узбекистан (7), Киргизстан (4), Таджикистан (доля городского населения не изменилась) или Туркменистан (даже сократилась на один пункт), то становится яс-

³² Рашин А. Г. Цит. соч., с. 101–102; Караханов М. К. Некапиталистический путь развития и проблемы народонаселения. Ташкент, 1983, с. 90, 96.

³³ Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992, с. 113.

ным не только количественный, но и качественный разрыв между республиками, переживающими разные этапы урбанизации.

Демографическая революция

В свое время М. Птуха оценил уровни смертности и продолжительности жизни 11 крупнейших народностей Европейской России в конце XIX века. По его оценке, в наилучшем положении находились латыши (средняя продолжительность жизни мужчин 43 года, женщин — 47 лет), в наихудшем — русские (соответственно 27,5 года и 30 лет)³⁴. Средняя продолжительность жизни, превышающая 40 лет, может рассматриваться как свидетельство начавшегося демографического перехода. В конце XIX века в России такое превышение наблюдалось для мужчин только у латышей, эстонцев, литовцев и молдаван, для женщин — у тех же народностей, а также у евреев. (По поводу низкой смертности молдаван Птуха замечал, что, возможно, она объясняется «недостатками статистической регистрации».) Таким образом, можно считать, что наблюдавшиеся в конце прошлого века различия в смертности народов России были в основном различиями в рамках одного — «традиционного» — типа смертности и лишь в некоторых случаях не очень сильно вышли за эти рамки вследствие начавшейся демографической модернизации.

То же было и с рождаемостью. Повсеместно — снова за исключением прибалтийских губерний — она была весьма высокой, что отражало однотипность демографического поведения представителей большинства населявших Россию народов. Косвенно об этом свидетельствуют данные о числе детей до 10 лет на 100 женщин в возрасте 20–49 лет по вероисповеданиям (1897 г.): у православных — 144, у католиков — 142, у мусульман — 142, у иудеев — 153, у лютеран — 116³⁵. Как видим, лишь жившие преимущественно в Прибалтике лютеране выделяются на общем фоне более низким числом детей, что можно истолковать как начало или, по крайней мере, предвестие демографического перехода. У всех же остальных преобладают относительно многодетные семьи — верный признак традиционного типа рождаемости.

Положение — и с рождаемостью, и со смертностью — начало меняться лишь тогда, когда народы России один за другим стали активно входить в период демографической революции.

Сдвиги в смертности, «эпидемиологический переход», больше зависящие от изменения общих условий жизни (образования, санитарно-гигиенической обстановки, уровня развития медицины и здравоохранения и т. д.), нежели от индивидуального поведения людей, охватили все республики СССР. Все они более или менее успешно прошли через первые этапы эпидемиологического перехода, что и обеспечило повсюду отрыв от традиционных уровней смертности и продолжительности жизни. Хотя различия в показателях сохраняются и сейчас, это опять-таки различия в рамках одного, но теперь уже «современного» типа смертности.

Не то с рождаемостью. В демографическом поведении части населения бывшего СССР, в том числе и у славянских народов, еще в первые десятилетия XX века отличавшихся высокой неконтролируемой рождаемостью, теперь повсеместно

³⁴ Птуха М. В. Цит. соч., с. 261.

³⁵ Воспроизводство населения СССР. М., 1983, с. 135.

распространилось планирование семьи и резко упало число рождаемых детей. Этот сдвиг был неразрывно связан с выработкой нового типа сознания, освоением новой системы ценностей. Перемены в рождаемости и все, с ними связанное, внесли огромный вклад в обновление общества в Российской Федерации (в стороне остались некоторые национальные автономии), в других европейских республиках бывшего Союза. По уровню рождаемости они все сблизились между собой, и некогда особое положение Прибалтики перестало существовать.

Другая часть населения бывшего Советского Союза, в основном, хотя и не исключительно, народы мусульманской традиции, оказались не готовы к всесторонней демографической модернизации. Восприняв в той или иной мере достижения эпидемиологического перехода, они и сейчас еще с большим трудом осваивают практику планирования семьи, принцип свободы прокреативного выбора и все, что с этим связано. Рождаемость лишь недавно начала заметно снижаться в христианской Армении, еще позже — в мусульманском Азербайджане, почти не снижается у народов Средней Азии, у некоторых народов Северного Кавказа и т. п. В конце 80-х годов среднее число детей, рожденных за всю жизнь одной женщиной (коэффициент суммарной рождаемости), у русских составляло 1,9, у украинцев — 2, у латышей — 2,2, тогда как у узбеков — 4,7, у киргизов — 4,8, у туркмен — 4,9, у таджиков — 5,3³⁶. Здесь различия, конечно, не просто количественные, речь идет о принципиально разных типах демографического поведения: один отвечает давним традициям народной культуры, унаследованным от прошлого образцам, другой во многом отрицает их, требует пересмотра казавшихся неизблемыми представлений о дозволенном и недозволенном во имя большего соответствия изменившимся жизненным реальностям.

Культурная революция

Описанная в главе 5 «инструментальная» культурная революция происходила во всех частях СССР, и, казалось бы, созданный ею *Homo soveticus* должен был стать универсальным человеческим типом на всем пространстве бывшего Союза. На самом же деле, вследствие разных ресурсных возможностей районов империи, их разной готовности к модернизации и неодинаковости даже ее «инструментальных» результатов, соотношение традиционного и современного начал, соединившихся в «советском простом человеке», также было неодинаковым.

Различия инструментальных результатов сказывались в неравенстве уровней и качества образования, в неодинаковом распространении навыков бытовой или санитарной культуры и т. п. Но все же различия такого рода довольно быстро сглаживались, и не они были главными. С точки зрения общей социальной динамики, намного важнее глубинная перестройка всей социокультурной системы: переход от холистской к индивидуалистской парадигме, смена социокультурного типа личности и механизма социокультурного контроля. Именно этот переход и определял истинное содержание культурной революции, через которую должны были пройти в ходе модернизации почти все районы и народы СССР.

³⁶ Дарский Л., Андреев Е. Воспроизводство населения отдельных национальностей в СССР. Вестник статистики, 1991, 6.

В меньшей степени в этом нуждалось население протестантско-католической Прибалтики или униатской Западной Украины, в свое время испытывавшее сильное влияние Реформации. Но для всех остальных социокультурный переход и связанный с ним социокультурный раскол были неизбежны. В большинстве районов России, Украины, Белоруссии этот раскол достиг значительной глубины уже к концу XIX века, а его пик пришелся на первую половину XX столетия. На какое-то время установилось двоевластие старого и нового типов социокультурного контроля или, что то же, их безвластие, «внутренняя среда» социальной системы разрушилась, ее гомеостатические свойства были ослаблены. Большая часть населения страны оказалась в ничейном культурном пространстве и стала легкой добычей политического манипулирования. В последующем это культурное двоевластие-безвластие постепенно преодолевалось и жизнь, пусть и с трудом, входила мало-помалу в устойчивую послепереходную колею. В европейских республиках СССР большая часть населения преодолевала собственную маргинальность, промежуточность, «городское», индивидуалистское общественное становилось все более зрелым. Впрочем, и здесь становление новой социокультурной «внутренней среды», по-видимому, еще далеко не завершено, стало быть, не завершена и культурная революция.

Но у некоторой части даже российского населения в Поволжье, на Северном Кавказе, в Забайкалье, а тем более у населения таких частей СССР, как Средняя Азия или Закавказье, чаще всего у народов мусульманской, иногда буддистской культуры все происходило намного позднее. Здесь заимствованная инструментальная составляющая и общий консервативный характер советской культурной революции были выражены особенно ярко. Рост уровня образования, заметные перемены в образе жизни, в повседневном бытовом поведении сочетались с сохранением традиционной социокультурной основы и потому не требовали глубинного внутреннего напряжения всего общества. Кризис традиционализма назревал потепенно, по мере накопления социокультурной новизны, здесь в середине XX века пик раскола и раздвоения, маргинализации населения был еще впереди. Но он довольно быстро приближался, рано или поздно всем отстававшим субобществам советского универсума предстояло войти в опасный период социокультурной неустойчивости, острого социокультурного конфликта, и лишь преодолев его — не исключено, что дорогой ценой, — также перейти к становлению новой социокультурной «внутренней среды».

Общие итоги

Таким образом, степень незавершенности модернизации, характерная для всего советского общества конца XX века, была неодинаковой у разных его частей, ибо неодинаковым было преобразующее воздействие на них индустриализации, урбанизации, демографической или культурной революций да и многих других инновационных процессов. Само «советское общество» как нечто целостное было, до известной степени, мифом. На деле оно состояло из множества субобществ, пребывавших как бы в разных временных пространствах, в разных исторических эпохах и к тому же территориально локализованных.

К моменту распада Союза у этих субобществ были не только неодинаковые внутренние состояния, но и существенно разные конкретные практические интересы, реальные проблемы, свойственные тем этапам модернизации, на которых находилось каждое из них. Скажем, в то время, как в Центральной России да и во многих других районах европейской части бывшего СССР раздавались постоянные жалобы на обезлюдение деревни, нехватку рабочей силы, чрезмерную занятость женщин, падающую до недопустимо низкого уровня рождаемость, в республиках Средней Азии нарастали демографическое давление, аграрное перенаселение, скрытая, а отчасти и явная безработица, доля городского населения не увеличивалась, а иногда даже и сокращалась, сохранялись «допереходная» высокая рождаемость, традиционное положение женщины в семье и обществе. Ничего специфически «среднеазиатского» в этом не было, просто Россия или Украина прошли через эти этапы на одно–два поколения раньше и в иной исторической обстановке.

Существенными были различия в демографической, социальной и экономической динамике субобществ. Подойдя к завершению демографического перехода, большинство европейских народов христианской традиции, живших в бывшем СССР, вошли в полосу стабилизации численности населения, все более вероятной становилась его естественная убыль. У мусульманской же части населения Союза из-за задержки снижения рождаемости при быстром снижении смертности в это время происходил мощный демографический взрыв, их численность стремительно росла. Численность трех восточнославянских народов — русских, украинцев и белорусов — за 30 лет между переписями населения 1959 и 1989 гг. выросла всего на 25%, а их доля в населении страны упала с 76,2 до 69,7%. За это же время численность наиболее крупных мусульманских народов (за исключением татар) — узбеков, казахов, азербайджанцев, таджиков, туркмен и киргизов — увеличилась в 2,6 раза, а их доля возросла с 7,7 до 14,4%. (Численность татар, демографический переход у которых близок к завершению, росла умеренными темпами. В 1959 г. они были вторым по численности мусульманским народом СССР, в 1989 г. отодвинулись на четвертое место, а их доля в населении страны несколько уменьшилась.)

Рост демографического потенциала мог создавать ложное ощущение процветания таких районов, как, скажем, бывшие советские республики Средней Азии. В 1939 г. совокупная численность населения Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении составляла 10,5 млн. человек, в 1950 г. — 10,6 млн. Но за следующие 40 лет — к 1990 г. — она увеличилась до 33,6 млн. человек (в 3,2 раза), и ожидается, что к 2010 г. численность 1950 г. будет превышена здесь не менее чем в пять раз. Доля четырех республик в населении страны за те же 40 лет выросла с 5,9 до 11,6%. Но их доля в общем числе родившихся повысилась с 7 до 24% — огромный рост вклада региона в пополнение общесоюзных трудовых ресурсов или армейских контингентов.

Официальная пропаганда не придавала значения всем этим различиям, делала упор на силы сближения, которые и в самом деле всегда порождаются модернизацией. Много говорилось о едином экономическом, культурном, политическом пространстве. На

деле же негибкая советская модель модернизации, скорее, блокировала интеграционные тенденции, нежели способствовала их развитию. Сохранение и даже увеличение региональных различий в сочетании со слабостью интеграционных сил делали все более явной необоснованность многих давних надежд, связывавшихся со «строительством социализма в СССР». В ходу все еще были лозунги «выравнивания экономических уровней» регионов, «роста социальной однородности советского общества» и т. п. На деле же становилось все яснее, что рассчитывать на завершение или, по крайней мере, ускорение модернизации в метрополии при одновременном ее ускорении на отсталых окраинах не приходится. Сохранение империи и без того все больше становилось помехой модернизации ее более развитых частей. Невозможность сохранить империю и при этом избавиться в обозримом будущем от ее давней полукOLONиальной структуры стала одним из главных признаков кризиса, тупика, в который зашла советская модернизация. С наибольшей очевидностью этот тупик дал себя знать в Средней Азии.

8.5. Среднеазиатский тупик советской модернизации

В разные периоды российской, а особенно советской истории в Средней Азии³⁷ предпринимались немалые усилия, направленные на преодоление ее отсталости, они далеко не всегда были безуспешными. Бывшие советские республики Средней Азии по многим важным показателям развития выгодно отличаются даже от более преуспевающих в других отношениях сопредельных стран, таких как Турция и Иран. Скажем, в этих странах гораздо менее благоприятные, чем в Средней Азии, показатели смертности. Еще более выигрышно сравнение уровней образования: в Иране 46% всего взрослого населения (старше 15 лет) неграмотно, у женщин этот показатель поднимается до 57%. Соответствующие показатели в Пакистане — 65% и 79%, в Афганистане — 71% и 86%³⁸. В республиках Средней Азии в 1989 г. от 84 до 87% населения старше 15 лет имели среднее или высшее образование, т. е., как минимум, окончили семилетнюю или восьмилетнюю школу. В экономической и социальной структуре, в политике и культуре, в повседневной жизни Средней Азии — повсюду были видны признаки «современности», все более широкие слои коренного населения с детства усваивали демократические, гражданские, светские ценности. Разумеется, в «современности» среднеазиатских обществ советского периода было много поверхностного, внешнего, но и в этом случае ее не следует недооценивать. Грань между «внешним» и «внутренним» подвижна, одно переходит в другое, маска порой прирастает к лицу так, что их невозможно разделить. В целом советская система несомненно смогла запустить механизм модернизации в Средней Азии. Но она не сумела довести ее до конца и в более развитых районах СССР, противоречивость и незавершенность модернизации в Средней Азии видны с особой наглядностью.

К концу 80-х годов по всем экономическим показателям она находилась позади европейских районов СССР. Сравнительные данные не свидетельствуют также об экономическом прогрессе, который привел бы к резкому отрыву от таких стран, как Турция и

³⁷ В СССР под Средней Азией понимались 4 республики (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения) с территорией 1,3 млн. кв. км и населением (в 1989 г.) 33,5 млн. человек.

³⁸ Social indicators of development 1994. World Bank, 1994.

Иран, использовавших иную модель развития. Лишь по сравнению с другими, более отсталыми соседями — Афганистаном и Пакистаном — республики советской Центральной Азии развивались успешно. Но в целом их экономика была отсталой и малоэффективной, по преимуществу аграрной. В середине 80-х годов, по советским оценкам того времени, вклад промышленности в произведенный национальный доход в четырех среднеазиатских республиках составлял 32% (по СССР в целом — 46%). Доля занятых в сельском хозяйстве колебалась от 34% в Киргизии до 42% в Таджикистане (в России — 14%, на Украине — 20%)³⁹. Доля сельского населения в конце 80-х годов превышала 50–60% (в России — 26%, на Украине — 33%) и в некоторых республиках даже увеличивалась.

В системе связей с другими частями СССР республики Средней Азии выступали прежде всего как поставщики сырья. Олицетворением этой роли региона стала монокультура хлопка. В свое время, в середине XIX века, из-за гражданской войны в США нарушились поставки американского сырья, которое на 90% покрывало потребности хлопчатобумажной промышленности России. Тогда его заменил среднеазиатский хлопок, его ввоз увеличился в 4–5 раз. Постепенно в среднеазиатской экономике сложилось нечто вроде наркотического привыкания к относительным достоинствам монокультуры хлопка, выгодного и удобного для экспорта сырья. Этому особенно способствовала политика властей СССР, стремившихся к его «хлопковой независимости» и очень жестко проводивших свою линию.

В начале 30-х годов в опубликованных в Узбекистане директивах по составлению второго пятилетнего плана говорилось: «Узбекистан будет не только хлопковой базой СССР, не только будет представлять собой, как это многим хотелось бы, хлопковую колонию, но должен будет наравне с развитием хлопководства идти по пути высокого и интенсивного индустриального развития». Эти, казалось бы, вполне соответствовавшие духу времени планы один из участников обсуждения экономических перспектив Средней Азии назвал «совершенно чудовищным извращением националистического толка». «Жизнь жесточайшим образом бьет по борьбе контрреволюционного национализма против хлопка, ибо именно в борьбе за хлопковую независимость Советского Союза... социалистические республики Средней Азии... ликвидируют экономическую отсталость и успешно развернут социалистическую индустриализацию»⁴⁰. Другой выступавший утверждал, что Средняя Азия должна не просто стать сырьевой хлопковой базой, но и «развернуть свою текстильную промышленность до такого уровня, который обеспечил бы потребность среденазиатских республик и близлежащих районов»⁴¹. Этого однако не произошло. С 1930-х годов страна, ранее ввозившая до 60% хлопкового сырья, перешла на почти полное самообеспечение. Накануне распада СССР он был третьим в мире производителем хлопка-сырца (после Китая и США), свыше 90% всего советского хлопка производилось в Средней Азии. Основные же текстильные центры были сосредоточены за ее пределами, на месте перерабатывалось лишь около 8% производимого здесь хлопкового волокна.

³⁹ Труд в СССР, с. 16.

⁴⁰ Средняя Азия. Труды Первой Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Союза СССР. Т. VII. М., 1933, с. 14.

⁴¹ Там же, с. 5.

В производстве хлопка с наглядностью проявлялись типичные черты колониальной экономики: стремление при минимальных вложениях использовать дешевые экстенсивные факторы производства: дешевый труд и «даровые» природные ресурсы. Еще в прошлом веке климатологи обращали внимание на неблагоприятный естественный водный баланс этого засушливого района, что могло привести «к весьма быстрому осушению страны, т. е. уничтожению бывших озер, обмелению рек и уменьшению Аральского моря или, что все равно, его отступанию»⁴². Энтузиасты русской колонизации Средней Азии легко отмахнулись от этих предостережений. «Принимавшееся ранее за факт постепенное обсыхание Туркестана, если иметь в виду более или менее близкое будущее, едва ли угрожает какою-либо опасностью самому Туркестану и русской его колонизации. Окончательное обсыхание если и происходит, то лишь с чрезвычайной медленностью, и результаты его сделаются заметными через столь значительный промежуток времени, на какой вовсе не могут распространяться наши расчеты»⁴³.

Трудно сказать, какой промежуток времени мог считаться достаточным для расчетов авторами начала века, но к его концу результаты «сделались заметными». Постоянное расширение орошаемых земель под хлопок, увеличивало количество забираемой из рек на нужды полива воды, огромная часть которой терялась бесплодно из-за применения остальных технологий орошения. В конце концов это привело к экологической катастрофе. Аму-Дарья, древний Оксус, с незапамятных времен питавшая Аральское море, полностью высохла в ее нижнем течении. Ее дельта стала превращаться в засоленную пустыню, Аральское море начало исчезать с карты планеты.

Хлопок — может быть, самый характерный, но не единственный пример сырья, поставлявшегося Средней Азией. Ее сельское хозяйство производило на вывоз также натуральный шелк, шерсть, каракуль, растительное масло, фрукты, овощи и т. п. По некоторым расчетам, только переработкой поступавшего из Средней Азии сельскохозяйственного сырья в середине 80-х годов в других районах СССР было занято не менее 1 миллиона человек. Но сырье производила также и добывающая промышленность, отсюда шли уголь и газ, цветные металлы, химическое сырье. Структура капиталовложений в промышленность отражала явное предпочтение добывающим отраслям. Например, в Туркменистане в первой половине 80-х годов в эти отрасли было направлено 80% всех промышленных инвестиций. Такие же отрасли, как машиностроение, развивались слабо. Доля занятых в машиностроении в Туркменистане за 20 лет с 1965 по 1985 г. — выросла всего с 16,7 до 19%. В Узбекистане она уже в 1965 г. была выше — около 30%, но за последующие 20 лет не изменилась.

Колониальный тип развития Средней Азии сказывался и в соотношении ролей коренного и пришлого, «европейского» населения. Ядром советской модернизации была ускоренная индустриализация, но местное население участвовало в ней относительно слабо. Это отражалось в структуре занятости. Даже в конце 80-х годов среди занятых в промышленности в Киргизии было только 25% киргизов, в Узбекистане — 53% узбеков и т. д.⁴⁴. В конечном счете, подталкиваемая извне модернизация и привела к появлению

⁴² Цит. по: Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края, с. 24.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Труд в СССР, с. 22.

значительной иммиграционной ниши, которая заполнялась населением европейской культуры, в основном русскоязычным⁴⁵. В 1989 г. русскоязычные составляли 24% населения Среднеазиатско-казахстанского региона (47% в Казахстане и 13% в республиках Средней Азии), особенно высокой была их доля в крупных городах.

Оставаясь в поле влияния русской культуры, пришлое население мало интересовалось местными культурами, иногда очень древними и богатыми, местное и пришлое, «европейское» населения были разделены культурно-языковым барьером. Если этот барьер преодолевался, то лишь в одном направлении: местное население обычно осваивало русский язык, «русскоязычные» местных языков не знали. Впрочем, не следует переоценивать и знание русского языка. Перепись населения 1989 г. показала, что русским языком (в основном, как вторым) в Средней Азии владели 23,3% узбеков, 27,7% таджиков, 35,1% киргизов, 27,6% туркмен, 20,2% каракалпаков — во всех случаях речь идет о меньшинстве. Что же касается живших в Средней Азии русских, то свыше 95% из них заявили, что не владеют никаким другим (кроме русского) языком народов СССР.

Между местным и пришлым населением Средней Азии существовали контакты на бытовом уровне, но не очень глубокие. Об этом говорят, в частности, относительно редкие смешанные браки. Скажем, в Киргизии в 1989 г. 48% населения составляли не киргизы, в Узбекистане 29% — не узбеки. А в национально смешанные браки в этом году вступило всего 6% мужчин-киргизов, 6,5% узбеков⁴⁶, причем и среди этих браков преобладали обычно браки не с русскоязычными, а с представителями культурно родственных соседних народов. Так, в 1985 г. среди смешанных супружеских пар, где одним из супругов был киргиз или киргизка, в 72 случаях из ста вторым супругом были узбечка (узбек), казашка (казак), таджичка (таджик), татарка (татарин), калмычка (калмык)⁴⁷.

Промышленное и городское развитие, шедшее во многом за счет притока материальных и людских ресурсов извне, в какой-то мере консервировало уклад жизни коренного сельского населения. При всей его бедности, оно не знало угрозы разорения, не достигало той крайней черты, за которой массовая миграция в города становится безусловной экономической необходимостью. Деревня стагнировала, но силы выталкивания из нее были смягчены. Это благоприятствовало сохранению традиционных институциональных форм — общинных структур, пронизанных клановыми, родовыми и семейно-родственными связями; ограничения самостоятельности индивида; неравноправного положения женщины; многодетности и пр.

Все это соответствовало духу консервативной модернизации и даже в каком-то смысле говорило о ее достоинствах. Удалось внедрить многие звенья модернизации и при этом избежать резкого разрушения традиционного уклада, смягчить шок модерни-

⁴⁵ Впрочем, рост «колониального» компонента населения Средней Азии в советское время был связан не только с экономической модернизацией. Немалую роль играло и другое ее назначение, тоже типично колониальное. Средняя Азия (правда, не она одна) была чем-то вроде Новой Каледонии советского режима, местом размещения концентрационных лагерей ГУЛАГа и депортации «спецпереселенцев».

⁴⁶ Демографический ежегодник 1991. М., 1991, с. 402.

⁴⁷ Волков А. Г. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки. // Семья и семейная политика. М., 1991, с. 79.

зации. Но, как и во всех других случаях, очень скоро дали знать о себе пределы такого типа развития. Оно не смогло вывести отсталые южные «национальные окраины» СССР из их полукOLONиального состояния, а значит, и изменить унаследованный СССР от Российской империи ее «полукOLONиальный» характер. А его сохранение указывает на еще один — и очень важный — аспект незавершенности советской модернизации в целом.

Кризис модернизации в Средней Азии обнаружился не сразу. Поначалу казалось, что развитие идет успешно, возможно, так оно и было. Но успехов развития, приведших к нарушению традиционных равновесий, оказалось недостаточно, чтобы создать новую равновесную систему. В результате стали возникать динамические несоответствия, которые порождали множество трудноразрешимых проблем. Отчетливо проявилась тормозящая роль взаимосвязанных и незавершенных модернизационных перемен: незавершенность культурной революции не позволяла преодолеть традиционные стереотипы поведения и довести до конца демографический переход, что привело к демографическому взрыву; в итоге стало увеличиваться рассогласование роста численности трудоспособного населения и числа рабочих мест (табл. 8.3). После 1970 г. «общественное производство» (т. е., по существу, все отрасли экономики за исключением личного «подсобного» сельского хозяйства) перестало поглощать прирост трудовых ресурсов, и они стали скапливаться в деревне, в подсобном сельском хозяйстве, мелком, неэффективном, страдавшем от отсутствия земли и воды. Средняя Азия все больше оказывалась в порочном круге воспроизводства бедности и отсталости.

Таблица 8.3. Темпы прироста трудовых ресурсов и числа занятых в общественном производстве республик Средней Азии, %.

<i>Годы</i>	<i>Узбекистан</i>	<i>Киргизия</i>	<i>Таджикистан</i>	<i>Туркменистан</i>
1965–1970	15,4/21,9	11,9/20,3	11,1/19,3	14,1/19,6
1970–1975	22,5/21,1	18,5/15,7	22,8/20,0	23,4/20,9
1975–1980	21,6/17,6	16,0/12,5	20,8/16,7	19,5/16,5
1980–1985	15,8/13,5	9,7/10,7	16,9/13,7	14,8/13,7

Числитель — прирост трудовых ресурсов; знаменатель — прирост числа занятых в общественном производстве и учащихся старше 16 лет.

В 70-е – 80-е годы Средняя Азия столкнулась с проблемой «источников накопления капитала», напоминавшей ту, перед которой СССР стоял в 20-е годы. Тогда ресурсы для нужд ускоренной модернизации были получены путем экспроприации крестьянства при сохранении очень низкого уровня жизни в городах. Тем не менее ресурсы оставались крайне ограниченными, а инвестиционная активность в тридцатые-пятидесятые годы распространилась в основном на те районы СССР, где капиталовложения могли быть использованы с наиболее высокой и быстрой отдачей. Сред-

няя Азия не принадлежала к их числу. Не принесли ей решения проблемы инвестиционных ресурсов и более спокойные шестидесятые–восемидесятые годы.

В соответствии с принятым в СССР национальным счетоводством, основным внутренним источником инвестиционных ресурсов был национальный доход. В 1985 г. произведенный национальный доход на душу населения в Средней Азии, по официальным исчислениям, составлял 1200 руб., на накопление расходовалось 350 руб. — и то, и другое намного меньше, чем в среднем по СССР (соответственно 2080 и 550 руб.). На потребление оставалось в Средней Азии 850, в СССР в целом — 1530 руб. Если бы накопление за счет внутренних источников в Средней Азии поднялось хотя бы до средне-союзного уровня, величина потребляемого национального дохода на душу населения сократилась бы до 650 руб. Рост инвестиций за счет внутренних источников был возможен, стало быть, только ценой резкого падения уровня жизни и без того весьма низкого. Стремительный рост населения требовал «демографических инвестиций», что накладывало дополнительные ограничения на использование наличных ресурсов в интересах экономического развития.

Пока существовал СССР, часть ресурсов его более богатых районов перераспределялась в пользу Средней Азии, но масштабы перераспределения никак не соответствовали потребностям среднеазиатской экономики. Как видно из иллюстрации, приведенной в табл. 8.4, темпы роста совокупного используемого национального дохода в Узбекистане, отчасти и благодаря помощи извне, были не самыми низкими. Но все съедал стремительный демографический рост, разрыв в душевых показателях не сокращался, а увеличивался. Механизм консервирования среднеазиатской бедности и отсталости предстает здесь со всей очевидностью.

Если верить советским оценкам того времени⁴⁸, в 1985 г. совокупный использованный национальный доход в Средней Азии (в составе четырех республик) превышал произведенный в регионе на 7%. Для того же, чтобы душевая величина используемого здесь национального дохода приблизилась к среднесоюзной, это превышение должно было быть в десять раз большим (не 7%, а 70%). Нужно было бы систематически перераспределять в пользу Средней Азии около 5% национального дохода, произведенного в других республиках СССР. Но все они были далеко не богаты, обескровлены огромными военными расходами и просто не смогли бы обеспечить своими ресурсами 30–40 миллионов человек, расходующих на потребление и накопление в 1,7 раза больше своего национального дохода. А если учесть, что Средняя Азия была самой большой, но все же не единственной отсталой окраиной советской империи, то становится ясным, насколько задача изживания полуколониальной отсталости в СССР была далека от своего решения.

⁴⁸ Они основаны на данных советской государственной статистики и часто критиковались в Средней Азии как якобы занижающие ее вклад из-за неверной системы цен. Об этом говорил, например, на сессии Верховного Совета СССР С. Ниязов, тогда первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана («Известия», 2 июля 1987 г.). Однако расчеты западных экономистов с использованием мировых цен в основном подтвердили эти оценки для большинства республик Средней Азии (см., напр.: *Akakul D., Vaner S. La Turquie et le «monde turc»: approches politiques et économiques. Le trimestre du monde, 1992, 4e trimestre, p. 173–174.*

Таблица 8.4. Произведенный и использованный национальный доход на душу населения в СССР и некоторых республиках, 1985г.

	СССР	Белорус- сия	Латвия	Узбеки- стан
Национальный доход, тыс. руб.	2,05	1,97	2,24	1,30
— произведенный	2,08	2,23	2,93	1,20
— использованный	2,05	1,97	2,24	1,30
в том числе:				
на потребление	1,50	1,52	1,80	0,93
на накопление	0,55	0,45	0,44	0,37
Отношение использованного национального дохода к произведенному	0,98	0,88	0,76	1,08
Доля накопления в использованном национальном доходе, %	26,8	22,8	19,6	28,5
Среднегодовой рост				
— национального дохода	1,045	1,064	1,042	1,052
— населения	1,153	1,111	1,109	1,566
Среднегодовой рост произведенного национального дохода на единицу роста населения за 1970-1985 гг.	1,036	1,057	1,036	1,023

Это мало-помалу осознавалось в метрополии, где стали раздаваться голоса, призывавшие снять с России ответственность за решение среднеазиатских проблем. Россия стала уставать от своей «цивилизаторской миссии» и, в конечном счете, сама отделилась от Средней Азии.

8.6. Новые региональные элиты

В разделе 8.4. говорилось о региональных особенностях четырех незавершенных революций. Сейчас необходимо сказать и о пятой, политической. Приход к власти элиты нового типа на бескрайних просторах СССР в разных его частях протекал по-разному, да и сама эта элита была неодинаковой, имела разные интересы и устремления.

Рассмотренный только что пример Средней Азии свидетельствует: в СССР до последнего дня его существования сохранялись отсталые, полукOLONиальные районы, продвинувшиеся по пути модернизации намного меньше, чем европейская метрополия. Но одновременно он убеждает и в том, что даже и такие более отсталые районы все же шли

по этому пути и, как правило, тоже преодолели значительную его часть. Повсеместно, хотя и в разной степени, экономическое и сопряженное с ним развитие приводило к усложнению социально-территориальных подсистем, региональных субобществ, их дифференциации, к обогащению их внутренней среды, повышало роль протекающих в них процессов саморегулирования. А это, в свою очередь, имело своим следствием изменение структуры власти и появление региональных элит нового типа. И снова дело не в том, что такие элиты повсюду имели демократическое происхождение, были представлены в основном выходцами из крестьян, рабочих или немногочисленных средних слоев. Гораздо важнее то, что новыми были сами основания их существования и воспроизводства.

Прежние, дореволюционные региональные элиты были органической частью всей статусной иерархии полуфеодального, «вертикального» российского имперского общества. Иногда они противопоставляли себя империи, вели борьбу с имперским централизмом, пытались опереться на более широкие слои населения «своих» земель, отстаивали либо полную независимость, либо большую степень региональной самостоятельности и порой добивались требуемых уступок. Но главным внутренним мотивом такой борьбы всегда были их собственные «статусные» интересы. В конце концов, после более или менее длительного выяснения соотношения сил, и в имперской столице, и в «уделах» верх брали, как правило, прагматические соображения, коллективные классовые интересы. Взаимное давление заканчивалось нахождением приемлемого компромисса, региональные элиты получали свою долю полномочий и прав и естественно вписывались в общую имперскую пирамиду власти. Эта схема почти в равной степени относилась и к чисто великорусским областям, и к присоединяемым землям, населенным другими народами.

Размышляя о том, почему Украина казацких времен не смогла создать собственной государственности и потерпела поражения в «борьбе казацкого порядка с московскими государственными стремлениями», Драгоманов указывал на заинтересованность казацкой старшины в том, чтобы «сложиться по образцу польской шляхты и великорусских дворян в рабовладельческое или вообще привилегированное сословие». «После Мазепы уже не могло быть и речи о каком бы то ни было сепаратизме старшины малорусской, ни о ее тяготении к умиравшей тогда Польше... Старшина больше заботилась об уравнении прав ее с правами дворян великорусских, что и было исполнено»⁴⁹. Поэтому украинской казацкой старшины, нередко несущей в своих именах следы старых турецких или татарских корней (Кочубей), влились в русское дворянство и надолго стали надежной опорой императорского трона.

То же самое происходило и с потомками татарских мурз, грузинских царей, прибалтийских баронов, польских шляхтичей, узбекских ханов и беев и т. д. Они переходили на службу к российским императорам, получали российское дворянское звание, нередко действовали на общеимперской сцене, становились преданнейшими российскими генералами или высокопоставленными чиновниками (Барклай-де-Толли, Багратион, Бенкендорф, Лорис-Меликов, Витте и т. д.). Но даже для чисто регио-

⁴⁹ Драгоманов М. П. Евреи и поляки в Юго-западном крае. // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Т. 1. Центр и окраины, с. 251.

нальных или локальных элит, чьи интересы и деятельность не выходили за более или менее узкие территориальные границы, главным источником статусных привилегий были принадлежность к общеимперской элите и конкретное место в имперской пирамиде власти.

Капиталистическая модернизация России уже в XIX веке породила новый тип региональной элиты, ибо уже тогда стали появляться новые, мало зависящие от имперской вертикали, источники региональной элитарности. Развитие и диверсификация экономики, рост разделения труда и разнообразия видов деятельности в крупных городах, в губерниях и областях создали многочисленные неизвестные ранее каналы социальной мобильности, равно как и новые элитарные социальные статусы. Узкая дворянская верхушка — основа прежних губернских элит — стала растворяться в более широком элитарном слое, в который, помимо остатков старого дворянства, входила и буржуазия — купцы и промышленники, а также высшие чиновники, университетская профессура, деятели культуры, в какой-то мере вся разночинная интеллигенция.

Модернизация советского времени ускорила формирование новых региональных элит. Она усложняла жизнедеятельность городских и региональных систем, увеличивала их внутреннее разнообразие, пронизывала их горизонтальными экономическими, социальными и прочими связями. Все это с неизбежностью вело к возникновению или расширению множества независимых и рядоположенных элитарных социальных статусов, источником которых была сама региональная или локальная социальная ткань. В ней должно было найтись место не только для руководителей местных органов власти, но и для директоров крупных предприятий, председателей колхозов, редакторов газет, крупных ученых и писателей, знаменитостей артистического или спортивного мира и т. п.

Однако советская модернизация вела к развитию региональных элит лишь в той мере, в какой это соответствовало ее инструментальным целям. Там же, где это соответствие кончалось, развитие элит блокировалось. Региональная элита до конца оставалась по преимуществу статусной, «номенклатурной», напоминавшей элиту феодального общества. Она зависела от начальства, от его субъективных оценок, назначений, «пожалований» больше, чем от объективных результатов своей деятельности. Советский элитарный истеблишмент был моноцентрическим — как во времена самодержавия. Все эти его свойства воспроизводились — пожалуй, даже в усиленном виде — на региональных уровнях, где непосредственная зависимость каждого от местного централизованного «партийного руководства», местного ЦК или обкома коммунистической партии и персонально его первого секретаря — была особенно очевидной.

Сама «региональность» такой элиты в известном смысле была сомнительной. Во главе регионов обычно стояли наместники Москвы, нередко перемещавшиеся центром из региона в регион без всякой оглядки на их экономическую, национальную или культурную специфику. В Москве, пусть и при участии таких наместников, реша-

лось, кого назначить директорами крупнейших предприятий региона, кому считаться выдающимся местным писателем или композитором, кому быть академиком или президентом местной академии наук и т. п. В «национальных» республиках местная элита вербовалась по преимуществу из представителей коренных этносов (политика «национальных кадров»), но это не меняло ее номенклатурной сути. Как отмечал Восленский, вкрапление русской номенклатуры в республиках было «существенно по своему политическому весу, но сравнительно немногочисленно. Номенклатурасюзерен мудро старается не задевать национальных чувств местного населения». Что же касается самих местных номенклатурщиков, то «национальные чувства ими не владеют. Их интересует только власть и связанные с нею привилегии, так что они действительно интернационалисты»⁵⁰.

Вся эта система имела известный смысл, когда внутренние силы регионов были неразвиты и в них возводились, порой на пустом месте, леса будущей региональной конструкции: создавалась система современного административного управления, строились первые заводы, открывались университеты или театры и пр. Но со временем раз созданные экономические, культурные и прочие конструкции начинали жить своей жизнью, которая к тому же перемешивалась с жизнью, существовавшей здесь и прежде. Рядом со старыми номенклатурными элитами, отчасти и внутри них складывались элиты нового типа, во многих отношениях глубже укорененные в новой собственно региональной почве. Интересы этих новых элит были двойственными.

С одной стороны, они были порождением модернизации и в целом безусловно принимали ее инструментальные результаты. В этом смысле они должны были быть заодно с номенклатурой и идти даже дальше нее в своем неприятии возрождения традиционалистских элит, пытавшихся опираться только на консервативную составляющую советской модернизации — на сохранявшуюся, а иногда и охранявшуюся социальную архаику, — но преувеличенно резко критиковавших многие ее инструментальные последствия. В то же время в своем региональном качестве новые местные элиты должны были выступать как противники номенклатуры, олицетворявшей централизм унитарного государства, и видеть союзников в традиционалистах, идеология которых всегда строилась на подчеркивании региональных и (или) этнических и этнорелигиозных особенностей.

В разных частях СССР двойственность новых региональных элит проявлялась по-разному — в зависимости от степени продвинутой по пути модернизации и реального соотношения модернистских и традиционалистских сил.

На одном полюсе находились республики Прибалтики. Элитарные слои нового типа здесь начали складываться давно, в целом не были порождением советской модернизации и потому не чувствовали своего заединства с номенклатурой, их несовместимость была очень сильной. В то же время в Прибалтике давно уже не существовало классического архаичного традиционализма. Отстаивание региональных интересов здесь, как и везде, сопровождалось подчеркиванием местных особенностей, но так как сами эти особенности ассоциировались с большей «европейскостью», их

⁵⁰ Восленский М. Номенклатура. М., 1991, с. 405.

подчеркивание не имело антимодернисткой направленности. Раздвоенность новых элит в прибалтийских республиках была наименьшей.

Другой полюс образовывали республики Средней Азии. Здесь положение было намного сложнее. С самого начала появление в Туркестане России не могло обойтись без прививки застойным средневековым среднеазиатским ханствам пусть и небольшой дозы «западного» динамизма. А это, в свою очередь, пробуждало их внутренние силы, порождало собственную «вестернизированную» элиту, искавшую сближения с Россией и поддерживавшую интеграцию с нею. Здесь зрела почва для идеологии исламского просветительства, которая, как мы видели на примере Гаспринского, не была в России ни антимодернистской, ни антирусской, ни антиимперской и вела борьбу, скорее, с местным традиционализмом, нежели с западными цивилизационными влияниями. Самому Гаспринскому казалось исторически неизбежным, что «разрозненные ветки тюрко-татарского племени, в свое время единого и могущественного, постепенно переходят под власть России и делаются ее нераздельной, составной частью». Поэтому он считал, что «Россия еще не достигла своих исторических, естественных границ» в Средней Азии. «Граница, черта, разделяющая Туркмению и Среднюю Азию на две части — русскую и нерусскую, может быть политически необходима в настоящее время, но она неестественна, пока не охватит все татарские племена Азии... Пока русские границы, как наследие татар, не дойдут до исторических, естественных пределов их поселений, они не могут быть прочны»⁵¹.

До революции Средняя Азия получила от России не много «новой европейской монеты», на которую рассчитывал Гаспринский, мало изменилось и положение местных традиционных элит. Модернизация же советского периода, при всей ее непосредственности и незавершенности, и в Средней Азии зашла достаточно далеко, чтобы вызвать к жизни и расширить средние городские слои, способные отстаивать свои интересы, связанные в основном с современными устремлениями экономической, политической и культурной жизни, а значит, и ускорить складывание новых местных элит. И все же и в 80-е годы XX века средние слои и их элита здесь все еще были немногочисленными и неразвитыми. Новые элитарные группы еще не вполне вылупились из номенклатурной скорлупы, под защитой которой они созревали, несовместимость элит старого и нового типа, столь сильная в Прибалтике, в Средней Азии еще по-настоящему не дала себя знать. Зато традиционализм, на который могли опираться новые среднеазиатские элиты при отстаивании своих региональных интересов, был куда сильнее, чем в Прибалтике. В результате интересы этих элит оказались чрезвычайно противоречивыми, раздвоенными, их самосознание — расколотым.

Между двумя крайностями — прибалтийской и центральноазиатской — находились все остальные регионы СССР, в том числе и регионы собственно России, тоже часто неодинаковые. Изменение типа элиты и замещение старой элиты новой в том или ином регионе было тесно связано с успехами модернизации: чем ближе к завершению модернизация, тем дальше продвинуто и обновление элит. Но в целом новые элиты набирали силу повсеместно. Конечно, по-настоящему советская консервативная модернизация не могла быть завершена нигде, ее незавершенность тормозила

⁵¹ Гаспринский Исмаил бей. Цит. соч., с. 17–18.

развитие современных элитарных групп, делала их полусовременными. Это ослабляло их напор, побуждало приспособляться к старым правилам игры и т. п. Тем не менее уйти от объективно неизбежного конфликта интересов централизма (его олицетворяла старая номенклатура) и регионализма, более близкого новым элитам, было нельзя. В обоих случаях будущее было за новыми элитами, ибо в их пользу менялась объективная расстановка сил, новые элиты чувствовали себя все более уверенно. Но и номенклатура — промежуточное звено между классической феодальной и новой «демократической» элитой — не намерена была так просто уйти с исторической сцены. Противостояние нарастало, а вместе с тем нарастал и кризис советской империи.